

Беженцы становятся бизнесменами и работодателями

Предпринимательская активность некоторых беженцев явно выше, чем у местного населения

Эсперанце Табише 27 лет, и у нее уже есть собственный бренд модной одежды – «Эсперанца Фешн энд Дизайн». Для ее возраста это уже достижение, тем более что она создала свой бренд семь лет назад, когда ей было ровно двадцать. Однако особого уважения заслуживает то, что эта конголезка – беженка. С 2011 года Эсперанца Табиша живет в лагере для беженцев Какума на севере Кении – вместе с 180 тысячами других находящихся там беженцев из разных стран, в том числе из Демократической Республики Конго, Сомали и Южного Судана, Эфиопии и Бурунди.

Своей предприимчивостью беженцы помогают не только себе, но и тем, кто предоставляет им убежище: УВКБ и МФК приводят данные, что они часто создают рабочие места для местного населения.

Приблизительно 2 тыс. беженцев – это женщины или мужчины, которые ведут частную предпринимательскую деятельность или организовали хотя бы небольшое предприятие в своем лагере. Все это – результаты совместного исследования, которое провели Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ), занимающееся вопросами оказания помощи беженцам, и Международная финансовая корпорация (МФК). Согласно этому исследованию, 12 процентов беженцев в упомянутом лагере являются либо владельцами предприятий, либо частными предпринимателями; авторы отчета считают это значительным достижением, особенно если учесть, что большинство экономически активных беженцев не имели ни копейки, когда получили убежище в Кении. Своей предприимчивостью беженцы помогают не только себе, но и тем, кто предоставляет им убежище: УВКБ и МФК приводят данные,

что они часто создают рабочие места для местного населения. Кроме того, их деловая активность оживляет экономику в регионе – беженцы скупают мелкий домашний скот на убой. Они нуждаются в дровах, древесном угле и других товарах, производимых местными жителями.

Для региона Какума в округе Туркана это имеет особое значение: на этой территории преобладает засушливый климат, и она была заселена преимущественно полукочевыми племенами, пока в 1992 г. сюда не прибыли первые беженцы из Южного Судана. На тот момент Туркана пережила несколько серьезных засух, вымерли целые стада домашнего скота, вместе с животными многие люди утратили элементарные возможности для выживания. После открытия лагеря разразился местный экономический бум. Потребность в рабочей силе, необходимой для размещения и обслуживания десятков тысяч только что прибывших вынужденных переселенцев, не покрывалась и не покрывается населением данного региона. Такая же ситуация и со вторым большим лагерем беженцев в Кении – Дадаабом. Он самый большой в стране – в нем сейчас проживает как минимум 200 тыс. человек. Временами количество беженцев в лагере превышало 500 тыс. человек. Разумеется, они являются вызовом для принимающего государства, но вместе с тем они создают возможности: международные и национальные гуманитарные организации открывают новые должности, покупают продукты питания на местных рынках для проживающих в лагере людей, имеют потребность в транспорте, самолетах для своих сотрудников, дизеле, помещениях для жилья и многом другом.

До 5 тыс. кенийцев получили более или менее стабильную работу от владельцев предприятий и частных предпринимателей из среды беженцев из лагеря Какума или зарабатывают средства к существованию как поденные рабочие.

Кениец Билли Капуа, который представляет коренное население Турканы и вырос на севере Кении, работал на самые разные гуманитарные организации в Какуме – в период с 2001 года до начала 2018 года. Он был свидетелем того, как за эти годы хотя бы немного активизировалась экономическая жизнь региона, пережившего много засух. Его в первую очередь впечатлило то, что беженцы уже на раннем этапе начали трудоустраивать представителей коренного населения Турканы – для подсобных работ в магазинах, а также для переноски и перевозки грузов. По оценкам Капуа, до 5 тыс. кенийцев получили более или менее

стабильную работу от владельцев предприятий и частных предпринимателей из среды беженцев из лагеря Какума или зарабатывают средства к существованию как поденные рабочие.

Капуа убежден, что экономика региона непременно придет в упадок, если в какой-то момент будет принято решение о закрытии лагеря. Идея принудительного закрытия не снята с повестки дня – даже по прошествии стольких лет. Несмотря на то, что в этом отношении Какума еще не была в фокусе внимания кенийских властей, но уже несколько лет УВКБ и его международным партнерам приходится в буквальном смысле отвозить у Кении возможность дальнейшего использования Дадааба.

Дадааб и Какума сопоставимы по своему экономическому значению для данного региона. Многие кенийцы ходят туда за покупками – приобретают там одежду, мобильные телефоны и другие товары. В Какуме имеется скотобойня, куда пригоняет свой скот и местное население. Капуа рассказывает, что данным предприятием владеют беженцы, но оно находится под контролем кенийского правительства. По данным УВКБ и МФК, производительность экономики лагеря Какума и прилегающего региона составляет \$56 млн в год. Для Северной Кении это необычайно много, потому что тамошние экономические перспективы крайне скудны, если не учитывать лагерь беженцев. Эта территория слабо заселена, местное население пребывает в бедности, правительство вряд ли собирается вкладывать сюда средства.

*Нам стоит
переосмыслить свои
предположения, что
беженцы сидят в лагерях
сложив руки и заняты
только тем, что ждут
гуманитарную помощь.
В действительности же
они основывают
предприятия и создают
рабочие места для других
людей.*

Предпринимательская активность некоторых беженцев явно выше, чем у местного населения. Многие беженцы обладают сравнительно лучшими связями за рубежом. Ведь они сами прибывают из каких-то других мест и как минимум не теряют контакт с родными для себя регионами. У некоторых даже есть родственники, которым после получения статуса беженца удалось обосноваться в одной из экономически обеспеченных стран Запада или арабского мира. Даже людям, с которыми они по европейским меркам находятся лишь в отдаленном родстве, эти бывшие беженцы пересылают определенные суммы денег – не через банковские счета, а посредством системы денежных переводов через мобильные телефоны или же каким-то

другим способом. Многие беженцы используют эти деньги для открытия собственного дела. Возможно, денег хватит, к примеру, на приобретение первой овцы, которую затем отправят на убой. Прибыль за проданное мясо превращается даже в нечто большее, чем просто предприятие – за счет постепенных и разумных реинвестиций.

Главный вывод, к которому приходит УВКБ в своем исследовании, представляет интерес даже для Германии. «Нам стоит переосмыслить свои предположения, что беженцы сидят в лагерях сложа руки и заняты только тем, что ждут гуманитарную помощь, – отмечает представитель УВКБ в Кении Рауф Мазоу. – В действительности же они основывают предприятия и создают рабочие места для других людей». Беженцам в Германии тяжело стать на ноги. Существует много правил и норм, не хватает стартового капитала, и многие еще не освоили язык своей новой родины. Но многие из них даже в Германии стремятся к чему-то большему, чем пассивное ожидание социальных пособий. Они хотят работать и крепко стоять на собственных ногах. Но и в Германии они косвенно создают рабочие места – хотя бы для тех лиц, которые занимаются «управлением» делами беженцев, а также их поддержкой, интеграцией и многими другими вопросами. Вместо непрерывных стенаний о возросших трудностях, нам стоит научиться видеть в прибывающих к нам беженцах в том числе и потенциальную экономическую выгоду.

Беттина Рюль

Кельн/Найроби

Беттина Рюль (Bettina Rühl) уже более двадцати лет пишет из Африки и об Африке. Она живет в Кельне и Найроби.

